

«О некоторых вопросах признания сделок (хозяйственных договоров) действительными» от 29.05.2013 № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0011600-13>.

4. Постановления Пленума «О некоторых вопросах практики применения Хозяйственного процессуального кодекса Украины судами первой инстанции» от 26.12.2011 № 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0018600-11>.

5. Кияшко В.А. Теоретические проблемы и последствия несостоявшихся сделок / В.А. Кияшко. – Краснодар, 2005. – 177 с.

6. Савин А.А. Последствия договоров, считающихся незаключенными по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 144 с.

7. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк / Р. Саватье. – М.: «Прогресс», 1972. – 438 с.

8. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания / О.В. Гутников. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 576 с.

9. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 171 с.

10. Лейст О.Э. Санкции в советском праве О.Э. Лейст. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.

11. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 411 с.

12. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. – М.: Юридическая литература, 1984. – 144 с.

13. Гражданский кодекс Украины (с изменениями и дополнениями) от 16.01.2003 № 435-IV // Голос Украины, 2003. – № 47-48.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОНФЛИКТ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Григорий УСАТЫЙ,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник,
докторант кафедры уголовного права и криминологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article analyzes the key categories of criminal law, at the same time as the main objects for comparison are asked to select two adjacent categories – crime and criminal legal conflict. The author, citing the relevant arguments, finds that despite the obvious similarities and interconnectedness can not be identified penal conflicts and crime.

Key words: criminal law conflict, criminal offense, crime, criminal offense.

Аннотация

В статье проводится анализ ключевых уголовно-правовых категорий, при этом в качестве основных объектов для сравнения предлагается выбрать две смежные категории – преступления и уголовно-правовой конфликт. Автор, приводя соответствующие аргументы, приходит к выводу о том, что, несмотря на очевидное сходство и взаимосвязанность, нельзя отождествлять уголовно-правовые конфликты и преступления.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, уголовное правонарушение, преступление, уголовный проступок.

Постановка проблемы. Изучение уголовно-правовых конфликтов вряд ли можно признать полным без использования сравнительного метода исследования, который, по нашему мнению, позволит выделить наиболее характерные черты (отличительные и схожие) именно того явления, которое выступает предметом анализа в статье.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы – в настоящее время практически нет ни одной фундаментальной работы по соотношению уголовно-правового конфликта и преступления.

Научный анализ проблем, которые прямо или косвенно связаны с предметом исследования статьи, осуществлялся многими отечественными и зарубежными учёными, среди них: Х.Д. Аликперов, П.П. Андрушко, Ю.В. Баулин, Л.В. Головкин, А.А. Дудоров, В.Т. Дзюба, И., М.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, О.М. Литвак, Н.И. Мельник, В.Н. Смитиенко, Н.С. Таганцев, П.В. Хряпинский, Н.И. Хавронюк, С.Д. Шапченко, В.И. Шакун и другие.

Целью статьи является исследование двух смежных категорий – преступления и уголовно-правового конфликта, поиск соответствующих аргумен-

тов, их сходства (взаимосвязанности) и основных отличительных черт.

Изложение основного материала. В качестве объектов для сравнения предлагается выбрать две смежные категории – преступления и уголовно-правового конфликта. При этом за основу возьмем гипотезу о том, что, несмотря на очевидное сходство и взаимосвязанность, нельзя отождествлять уголовно-правовые конфликты и преступления. Таким образом, не все преступления являются уголовно-правовыми конфликтами, но любой уголовно-правовой конфликт является преступлением. При этом важным является тот факт, что противоречия, возникающие в сфере уголовно-правовых отношений, не всегда являются уголовно-правовым конфликтом.

Но подобного рода утверждения кажутся обоснованными только при условии признания уголовно-правового конфликта практической формой воплощения преступления в реальной жизни, то есть только как внешнего проявления преступного поведения.

Например, приговором суда первой инстанции ЛИЦО_1 осуждено за то, что оно, занимая должность главного специалиста Киевской городской государственной администрации, будучи должностным лицом, занимающим

ответственное положение, и которому в соответствии с Законом Украины «О государственной службе» присвоен 11 ранг государственного служащего, 14.06.2010 в 11 ч. в помещении кафе «Эль-Кафа» торгового центра «Метроград», расположенного между ул. Красноармейской и Бессарабской площадью в г. Киеве, получило от представителя Чешской холдинговой компании «JasArt» ЛИЦА_2 3 тыс. долларов США (часть обусловленной ранее взятки в размере 20 тыс. долларов) за содействие в получении письменного ответа Главного управления по вопросам внутренней политики исполнительного органа Киевского городского совета с разрешением на проведение музыкального фестиваля «Европа идет в Украину». ЛИЦО_1 передало ЛИЦУ_2 указанное письмо от 31.05.2010, в котором было указано, что КГГА приняла во внимание письмо компании «JasArt» о проведении 26.06.2010 музыкального фестиваля на Контрактовой площади в г. Киеве. Непосредственно после этого ЛИЦО_1 было задержано сотрудниками БКОП УСБУ в г. Киеве. При осмотре вещей у него было обнаружено и изъято 3 тыс. долларов США, полученные им как часть взятки в 20 тыс. долларов США. Вторую часть взятки в размере 17 тыс. долларов США ЛИЦО_1 получить не смогло в силу обстоятельств, от него не зависящих [1].

Несмотря на то, что было совершено преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 368 УК Украины, ни одна из сторон («взяткодатель-взяткополучатель»), не находились в уголовно-правовом конфликте друг с другом. Более того, их действия и интересы были взаимосвязаны и находились в определенной гармонии. Единственное, чему противоречили их действия, так это требованиям-запретам уголовного закона, ранее установленным государством.

А если конкретнее, то неправомерные действия государственного служащего совершались вопреки установленному законодательством или уполномоченным органом порядку оплаты труда, согласно которому действительность по службе в отношении физических и юридических лиц со стороны должностных лиц должна осуществляться неподкупно и финансироваться за счет средств государства, органов местного

самоуправления, государственных и коммунальных предприятий, учреждений, организаций [2, с. 454].

Вышеприведенный пример из судебной практики лишний раз подтверждает мысль о том, что преступления не всегда имеют форму уголовно-правового конфликта. При этом уголовно-правовой конфликт может не возникать не только в тех преступлениях, где потерпевшей стороной является государство или общество (в частности, незаконное обращение с оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами; преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и других преступлений против здоровья населения), но и в преступлениях против личности, которые справедливо воспринимаются и уголовно-правовой доктриной, и практикой как наиболее общественно опасные (имеются в виду преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства, против половой свободы и неприкосновенности личности).

К числу «бесконфликтных» преступлений (при определенных условиях, например, если пострадавший не осознает преступного характера действий, направленных против него; или же вообще не возражает против совершения подобных действий – поддерживает их, желает их совершения («согласие потерпевшего»); не знает о самом факте совершения преступления и тому подобное) можно отнести достаточно широкий перечень.

Важным аспектом проблематики, которая анализируется в статье, является также акцентирование внимания на том, что потенциальный конфликт в пределах этой категории преступлений может иметь место не после наступления самого юридического факта (совершения соответствующего преступления, когда между сторонами только возникают уголовно-правовые отношения), а с момента привлечения преступника к уголовной ответственности. Но, подчеркиваем, конфликт такого рода является правомерным, имеет иную правовую природу, не является преступлением, а потому происходит, не выходя за пределы правоприменительных отношений, возникающих в связи с восстановлением нарушенных прав личности.

Поскольку понятие преступления в уголовном праве является главным (фундаментальным), оно традиционно определяется в уголовном законе, причем это характерно как для украинского государства, так и для других стран постсоветского пространства. Так, в ч. 1 ст. 11 действующего Уголовного кодекса Украины отмечается: «преступлением является предусмотренное настоящим Кодексом общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом преступления». По сравнению с предыдущим Уголовным кодексом (1960) понятие преступления претерпело определенные редакционные изменения – теперь законодатель не приводит перечня объектов преступного посягательства, и кроме указания на общественную опасность и противоправность преступного деяния, указывает, что признаком преступления является совершение субъектом преступления, предусмотренного УК деяния.

Нетрудно убедиться в том, что обобщенное определение, предложенное законодателем, является формально-материальным и базируется на устойчивом в теории права понятии правонарушения – общественно опасного или вредного деяния (действия или бездействия), которое нарушает норму права. Его характерной особенностью является противоправность действия или бездействия субъекта общественных отношений. Речь о нарушении установленного правового порядка, невыполнение возложенных на физических и юридических лиц обязанностей [3, с. 47–48].

Известный криминолог США Г. Зер аргументированно указывает на неэффективность подобных подходов к пониманию преступления и справедливо отмечает, что в нашем обществе правосудие представляется как применение законов. Преступление определяется как нарушение закона. Вместо того, чтобы обратить внимание на причиненную боль или переживания жертвы и преступника, мы сосредотачиваемся на акте нарушения закона. Акт нарушения закона, а не вред или конфликт, определяет преступление и запускает юридический процесс. Акцент на нарушении закона – именно то, что позволяет определить преступление и вину в сугубо юридических категориях. Мо-

ральные и социальные аспекты становятся не только вторичными, а вообще такими, которые не имеют никакого отношения к делу. Контекст события не рассматривается, за исключением прямой юридической потребности в каком-либо аспекте. Социальные, нравственные и личные факторы касаются дела только тогда, когда они юридически признаны как относящиеся к делу. Вопросы социальной справедливости редко когда чего-то касаются. Решающее значение имеет «преступный поступок», который определяется узко и чисто технически [4, с. 65–66].

В какой-то мере подтверждает его мнение и норвежский криминолог Нильс Кристи, который справедливо замечает: юридическое обучение и подготовка – это тренировка на упрощение. Это натренированная неспособность видеть все ценности, задействованные в ситуации, а вместо этого – только отбирать исключительно необходимые юридические аспекты, то есть такие, которые отобраны верховными жрецами системы как необходимые, соответствующие [5]. То есть если установление противоправности преступного деяния будет оставаться приоритетной целью для правоприменителя, при этом он в дальнейшем будет считать, что преступление наносит вред государству и обществу, то уголовный закон все больше станет отдаляться от обычного человека и тем самым не будет выполнять свое основное предназначение, которое закреплено в ч. 1 ст. 1 УК Украины, – правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств.

С момента принятия нового Уголовного процессуального кодекса Украины интерес юридической общественности к определению дефиниции уголовных правонарушений (преступлений), их классификации и надлежащей дифференциации существенно возрастает. Подобный ажиотаж объясняется тем, что теперь в действующем УПК Украины фактически используется новое родовое понятие – уголовное правонарушение (без соответствующего разъяснения его содержания законодателем) и дифференцируется уголовная ответственность лиц, совершивших преступления и уголовные проступки. Очевидно, именно на преодоление

этого законодательного пробела и был направлен проект Закона Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно введения института уголовных проступков» (реестр № 1202 от 08.01.2013).

Не прибегая к тщательному комментированию всего законопроекта, отметим, что он снова (как и предыдущие практически идентичные его варианты № 10126 от 28.02.2012 и № 10146 от 03.03.2012) повторяет те же ошибки и игнорирует многочисленные замечания и предложения экспертной среды. Следует согласиться с мнением специалистов Главного научно-экспертного управления Верховной Рады Украины, которые в соответствующем заключении справедливо отмечают «введение понятия уголовных правонарушений» и связанного с этим разделения общественно опасных деяний на категории преступлений и уголовных проступков, что является достаточно трудоемким процессом, для которого, на наш взгляд, недостаточно формального переименования понятия «преступление» на «уголовное правонарушение», переноса менее тяжких преступлений в отдельную Книгу 2 Особенной части проекта УК «Об уголовных проступках» и установления за них наказания в виде штрафа, лишения специального права, предоставленного лицу, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, общественных работ, исправительных работ и ареста (см. статью 51–1 проекта УК). К тому же до сих пор так и не обоснована должным образом целесообразность такой «перестройки» уголовного законодательства.

Следует принимать во внимание и то, что в Конституции Украины употребляется именно термин «преступление» (статьи 30, 31, 34, 39, 60, 62, 76, 92 (п. 22), 111), нет никаких упоминаний ни об «уголовных правонарушениях», ни об «уголовных проступках». Поэтому указанная выше «перестройка», основанная на внесении соответствующих терминов в новый Уголовный процессуальный кодекс Украины, является весьма сомнительной с точки зрения ее соответствия конституционным положениям и терминологии.

На наш взгляд, острой необходимости во введении в уголовное зако-

нодательство Украины категории уголовных проступков нет. Фактически, такие «проступки», исходя из вида и размера санкций за их совершение, предлагаемых проектом УК, являются ничем иным, как преступлениями небольшой тяжести. К тому же четкого разграничения уголовных проступков и преступлений небольшой тяжести в Общей части проекта УК не проведено. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 12 проекта УК преступлением небольшой тяжести является преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет или другое, более мягкое наказание, за исключением основного наказания в виде штрафа в размере свыше трех тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан [6].

Единственным критерием отнесения того или иного деяния к категории уголовных проступков в соответствии с предписаниями ч. 4 ст. 11 проекта УК является его «помещение» в Книгу 2 («Об уголовных проступках») Особенной части настоящего Кодекса. При этом отсутствие таких видов наказаний, как лишение или ограничение свободы, а также штрафа свыше трех тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан, характерна для санкций статей проекта УК, которые предусматривают ответственность как за преступления небольшой тяжести, так и за уголовные проступки.

То есть, возвращаясь к критерию разделения уголовных правонарушений на преступления и уголовные проступки только по нормативному признаку (противоправности), отметим, что подобный подход фактически отождествляет их, не позволяя отделить по содержанию, и указывает на непонимание ключевых признаков преступления, а потому представляется очень опасной тенденцией.

Действительно, преступление – это соответствующее деяние, прямо предусмотренное и запрещенное уголовным законом. И в этом выражается наиболее важный принцип уголовного права – нет преступления без указания о нем в законе (nullum crimen sine lege). Однако, как верно отмечает профессор М.И. Коржанский, обратная сторона этого принципа должна заключаться в том, чтобы и в уголовный закон не помещались огульно, без достаточных

оснований любые деяния, независимо от того, что кто-то этого очень желает. Ведь в законотворчестве произвол недопустим. И первым правилом должно стать соответствие запрещенного деяния признакам преступления. То есть, если преступление – это запрещенное уголовным законом деяние, то и запрещенное деяние должно быть преступлением, то есть иметь все признаки преступления. Только при таком условии в уголовном законе не будут иметь места статьи о деяниях, которые признаны преступлениями только формально [7, с. 54–55].

Кстати, подобного рода формальный (или даже формалистский) подход к определению преступления только лишь через юридические признаки (природу) в свое время критиковал Н.С. Таганцев. Ученый справедливо отмечал, что «если мы будем в преступлении видеть только посягательство на норму по велению правопорождающей авторитетной воли, которая создает для одной стороны право требовать подчинения этим повелениям, а для другой – обязанность такого подчинения, будем предоставлять исключительное значение момента противоправности содеянного, то преступление станет формальным, непригодным для жизни понятием, которое напоминает убеждение времен Петра Великого, который считал и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и порубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виновный делал, не боясь царского гнева» [8, с. 50].

Убеждены, что подобные подходы формулировки дефиниции уголовного правонарушения-преступления-уголовного проступка грубо противоречат принципам криминализации, следовательно, неизбежно приведут к углублению существующего законодательного произвола. Поскольку законодатель будет иметь неограниченные возможности для отнесения того или иного деяния к категории преступлений или уголовных проступков без надлежаще обоснованной аргументации такого решения (руководствуясь, например, субъективными соображениями, конъюнктурными побуждениями или политической целесообразностью).

Учитывая вышесказанное, приходится констатировать следующий

факт: в уголовно-правовой доктрине до сих пор нет единого подхода к определению преступлений и критериев их классификации, а в действующем уголовном законе и многочисленных законопроектах соответствующая дефиниция носит довольно абстрактный (неконкретизированный) характер. Кроме того, традиционная модель анализа преступлений почти не уделяет внимания характеру межличностного взаимодействия между преступником и потерпевшим, которое происходит на этапе допреступной деятельности, хотя последний является немаловажным элементом при осуществлении уголовно-правовой квалификации. Именно поэтому преступление (в контексте нашего исследования) следует рассматривать в качестве теоретической модели, неотъемлемыми частями которой являются элементы юридического состава, а также в качестве уголовно-правовых отношений или фактического состояния с соответствующей динамикой общественных связей-взаимоотношений. При этом уголовно-правовой конфликт воспринимается как относительно самостоятельная стадия динамической системы преступления, в рамках которой и происходит нескрываемое (открытое) противоборство преступника и потерпевшего.

«Кстати, межличностный аспект преступления напоминает нам, что преступление всегда содержит в себе определенный конфликт [9]. Некоторые европейские ученые, работающие над поиском нового «объектива», то есть нового видения преступления и наказания, призывают нас к определению преступления как формы конфликта. Наконец, преступление порождает межличностный конфликт, а иногда и само является его порождением. Бесспорно, преступление тесно связано с другими формами несправедливости и конфликтами в обществе. При надлежащем подходе много таких ситуаций могли бы стать материалом для исследования с целью определения, которые из них следует считать преступлениями.

М.М. Форчун предостерегает: определение преступления как конфликта может завести в тупик и даже является опасным. Например, в случаях бытового насилия мы слишком часто определяем насильственные действия с

серьезными последствиями просто как конфликт, вышедший из под контроля. Как следствие, возникает тенденция обвинять жертву. Такой подход также предусматривает, что насилие считается сугубо эскалацией, разворачиванием конфликта, то есть насилие приравнивается к разворачиванию конфликта. Как напоминает нам М.М. Форчун, это не так, поскольку эти вещи изначально разные по сути. Разница в точках зрения и спор по этому поводу – одно дело, но физическое нападение одного человека на другого – совсем другое.

Вследствие своего межличностного характера преступление содержит в себе конфликт. При этом отождествление преступления с конфликтом может повести нас в неверном направлении и отвлечь от других, более важных вопросов» [10, с. 144].

Вывод. Итак, подводя итоги и не претендуя на абсолютную объективность, отметим, что для нужд уголовно-правовой науки нами предлагается следующее определение: уголовно-правовой конфликт – это форма активного противоправного поведения, предусматривающая открытое противостояние преступника и потерпевшего, результатом которой является совершение преступления.

Список использованной литературы:

1. Вирок Апеляційного суду м. Києва. Справа № 11/2690/421/2012 [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/22307223>.
2. Кримінальне право : [підручник] / за ред. О.О. Дудорова, Є.О. Письменського. Т. 2 – Луганськ : видавництво «Слтон-2», 2012. – 780 с.
3. Юридична енциклопедія в 6 т. – Т. 5 / Ю.С. Шемшученко та ін. – К. : «Укр. енцикл.», 2001. – 736 с.
4. Зер Г. Зміна об'єктива: новий погляд на злочин та правосуддя / пер. з англ. М. Яковлева. – К. : Унів. вид-во «Пульсари», 2004. – 224 с.
5. Nils Christie, Limits to Pain (Oslo, Norway: Universitetsforlaget, 1981), p. 57.
6. Висновок Головного науково-експертного управління Верховної Ради України на проект Закону України «Про внесення змін до Кримінального

кодексу України щодо введення інституту кримінальних проступків» (реєстр. № 1202 від 08.01.2013) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?id=&pf3511=45306.

7. Коржанський М.Й. Нариси уголовного права / М.Й. Коржанський. – К. : ТОВ «Генеза». – 1999. – 208 с.

8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая в 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1994. – 380 с.

9. John R. Blad, Hans van Mastrigt and Niels A. Uldriks, eds., *The Criminal Justice System as a Social Problem: An Abolitionist Perspective* (Rotterdam, Netherlands: Erasmus Universiteit, 1987).

10. Зер Г. Зміна об'єктива: новий погляд на злочин та правосуддя / Пер. З англ. М. Яковлева. – К. : Унів. вид-во «Пульсар», 2004. – 224 с.

ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛЬШЕ (1918–1922 гг.)

Марта ФЕДИН,

преподаватель кафедры теории и истории государства Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

The process of formation of the Orthodox Church's legal status in conditions of Polish state evolution is examined. The peculiarities of the Orthodox Church's position in Poland after the First World War are shown. Also are analyzed the main chapters of the Constitution of Poland of 1921, that regulated the position of the Orthodox Church. The specificity of the mutual relations between the Orthodox Church and the state of Poland during the period of Polish nation's struggle for independence is revealed.

Key words: Orthodox Church, State of Poland, legal status, constitution, religious associations, freedom of conscience and faith, national minorities.

Аннотация

Исследуется процесс формирования правового статуса Православной церкви в условиях становления Польского государства. Показаны особенности положения Православной церкви в Польше после Первой мировой войны. Проанализированы основные статьи Конституции Польши 1921 г., регламентирующие положение Православной церкви. Раскрыта специфика взаимоотношений Православной церкви с Польским государством периода борьбы польского народа за независимость.

Ключевые слова: Православная церковь, Польское государство, правовой статус, конституция, религиозные объединения, свобода совести и вероисповедания, национальные меньшинства.

Постановка проблемы. События последних месяцев в Украине свидетельствуют, что практически все политические силы независимо от того, к какому лагерю они принадлежат, разыгрывают «религиозную карту», пытаясь превратить церкви в орудие воздействия на электорат. Наиболее подходящим религиозным материалом для этого, способным принимать необходимую для заказчиков форму, стали Православные церкви. Проблемой на пути утверждения традиционной для православия системы отношений между государством и церковью является наличие в религиозном поле Украины трех православных церквей: Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП), Украинской Автокефальной православной церкви (УАПЦ) и Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП), остро оппонирующих друг другу. Для украинской власти такая ситуация является сложной и нежелательной. Поддерживая одну из церквей, Украинская власть рискует натолкнуться на оппозицию других. Поэтому политические силы, находящиеся у власти, пытаются разными способами сбалансировать свои отношения с церквями. Недалековидной является поли-

тика тех политических сил, которые открыто выражают свою приверженность только определенным конфессиям.

Сегодняшняя ситуация в Украине характеризуется тем, что все три православные конфессии, независимо от того, каково их отношение к независимому Украинскому государству, пытаются заручиться поддержкой власти. При этом трудно спрогнозировать действия новоизбранных украинских политиков в сфере религиозных отношений. Непредсказуемость и непоследовательность действий властных структур ставит иерархов украинских церквей в тяжелое положение. Сегодня Церковь и власть должны совместно отстаивать государственные ценности. Об этом сказал президент Украины Петр Порошенко во время встречи с предстоятелем Украинской православной церкви (Московского патриархата) митрополитом Киевским и всея Украины Онуфрием. Президент отметил, что Церковь сегодня нуждается в единстве и диалоге [17].

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что в решении проблемных аспектов государственно-церковных отношений важным является учет исторически правового опыта для